

Эрато

Муза

МОЙ ДИКИЙ
Цветок

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эрато Муза
Мой дикий цветок

«Автор»

2026

Муза Э.

Мой дикий цветок / Э. Муза — «Автор», 2026

Он — властный и безжалостный торговец оружием, хозяин криминального мира, привыкший получать всё, что захочет. Она — случайная виновница катастрофы, из-за которой его ценный груз ушёл на дно реки. Когда Максим находит девушку, он готовится к мести — но застывает, поражённый её красотой. Невероятная, словно редчайший сорт розы, она пробуждает в нём не ярость, а одержимость. Он решает сделать её своей — не подозревая, что этот цветок не просто распустится в его руках, а вонзит шипы в самое сердце. Содержит нецензурную брань. 18+.

© Муза Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Она полна сюрпризов	5
Глава 2. Ходячие искушение	11
Г	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мой дикий цветок

*«Я и понятия не имел, с каким
штатами окажется этот цветок.
Мой дикий цветок...»*

Эрато Муза

Глава 1. Она полна сюрпризов



— Макс, у нас проблемы, — глухо бросает брат.
Как всегда — гонец плохих вестей.
— Мы не сможем доставить заказ Касиму, — добавляет он.
Я с усмешкой зажигаю сигарету, затягиваюсь.
— И что на этот раз? Чума? Восстание машин? Апокалипсис? Или цунами дорогу смыло?
— спрашиваю с издёвкой, думая, что дело — пара пустяков.
Брат качает головой. — Нет, Макс. Баба.

На мгновение я замираю, не веря своим ушам. — Чего? — переспрашиваю резко. — Мне что, послышалось?

Он молчит — долго, мучительно долго. Я жду, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Да он, сука, язык проглотил, что ли? Баба родит быстрее, чем он договорит.

— Ииии? — тяну я сквозь зубы. — Ты мне по чайной ложке информацию высасывать будешь?

Брат наконец выдавливает, — Короче, эта баба врезалась в наших пацанов на полпути. Сбила их в реку. Товар утонул — всё, испорчено. А Касим не из тех, кто будет брать испорченный товар. Доставлять нельзя, сам понимаешь, — мы репутацию угробим.

Секунда тишины. Мир будто замирает. Кровь стучит в висках.

— Ты хочешь сказать, что двадцать восемь лямов теперь на дне? Из-за какой то овцы?! — мой голос звучит тихо, но в нём клокочет ярость.

— Да, брат, — тихо подтверждает он.

Я швыряю сигарету в окно с такой силой, будто это она во всём виновата. В груди — ледяной ком, в голове — хаос. Не могу осознать. Это какой то бред, кошмарный сон, будто у меня температура под сорок и реальность плывёт перед глазами.

— Собери всех, найди мне эту обезьяну одноклеточную, доставь сюда! Свяжись с людьми Касима — перенеси сделку. Скажи, что я сам потом ему всё объясню, — бросаю я, расхаживая по кабинету, как маятник.

Брат мнётся, смотрит в пол — Макс, она в больнице. Пострадала после аварии — столкновение было неслабым. Я смогу её тебе доставить только после восстановления и выписки, сейчас она в плохом состоянии. Но если тебе *очень* надо, — он делает акцент на последнем слове, — я могу приказать нашим привезти её сюда. Хоть в вертикальном, хоть в горизонтальном виде.

Я резко останавливаюсь, сжимаю кулаки так, что костяшки белеют.

— Да насрать мне, в каком она состоянии! Я сам её убью! Фрезерный станок зубами остановить заставлю! Сука — я с силой бью ладонью по столу. — Я же её заживо закопаю! Напокупают безмозглые овцы прав, а потом ездят обезьяны с гранатой!

Сам не понимаю, почему так завелся. Эти деньги я отобью за месяц, не вопрос. Но сам факт — из-за какой то бабы так глупо просрать сделку Это бесило, шокировало, выводило из себя.

Время шло, а злость во мне только кипела. Руки чесались комунибудь морду набить. Хочу увидеть эту дуру, взять её за голову и...

Резкий стук в дверь прерывает мои мысли. — Да!

В дверном проёме появляется моя секретарша — бледная, с напряжённым лицом.

— Максим Владимирович, та девушка, что стала причиной аварии, — она здесь. Её доставили к вам. Она ждёт вас, — тихо докладывает она.

— Не понял? — я замираю и оборачиваюсь к брату, который всё ещё сидит в кресле моего кабинета, с видом невинного телёнка.

— Ты же сказал, она на ладан дышит! — бросаю я, вглядываясь в его лицо. По глазам вижу: он и сам удивлён не меньше моего.

Брат нервно проводит рукой по волосам, открывает рот, будто хочет что то сказать, потом закрывает — и наконец выдавливает, — Ну я так понял, что она тебе сейчас нужна. Я написал нашим, чтобы привезли её сюда. Но я думал, она без сознания.

Секретарша делает шаг вперёд, голос её звучит ровно, но в глазах читается напряжение:

— Она пришла в сознание пару часов назад. Врачи говорят, в рубашке родилась: лёгкое сотрясение, растяжение руки, рассечение брови, синяки да шишки. В целом — в полном порядке. Ваша охрана держит её сейчас в приёмном отделе офиса.

Я резко отталкиваюсь от стола. Кровь стучит в висках. — Пойду взгляну на эту обезьяну, — цежу сквозь зубы и вылетаю из кабинета.

Иду по коридору, а в голове — одна мысль: как медленно я буду её убивать. Представляю, как морально уничтожу, заставлю пожалеть, что вообще родилась на свет, эта безмозглая ошибка генетики.

Заворачиваю за угол — и резко останавливаюсь.

Вижу её — и замираю, будто впечатавшись в пол. В пяти метрах от меня сидит она, бледная, с подвязанной рукой и рассечённой бровью.

Удивление накрывает волной — такое сильное, что на мгновение перехватывает дыхание. Я просто зависаю, прожигая её взглядом, даже не моргаю. Всё, что я готовил минуту назад — угрозы, ярость, месть — вдруг рассыпается в прах. Что то в её взгляде — не страх, не покорность, а какая то упрямая, тихая сила — бьёт прямо в грудь, выбивая воздух.

Маленькая, хрупкая — и при этом такая поразительно красивая.

Фигура — словно высечена мастером: стройная, изящная, с чёткими, почти скульптурными линиями. Длинные вьющиеся чёрные волосы каскадом спускаются по спине, ложатся волнами вдоль изгибов тела — до самых ягодиц.

На ней обтягивающая белая майка — на ткани темнеют пятна крови, видимо, остались после аварии. Ткань плотно облегает тело, подчёркивая пышную грудь и тонкую талию. Короткие шорты открывают стройные ноги. Руки тонкие, почти невесомые — как у балерины.

Уникальная, будто созданная в единственном экземпляре.

Лицо — отдельный вид искусства: сочные губы, густые чёрные ресницы, глаза лисьи, раскосые — и невероятно зелёные. Я даже отсюда вижу этот насыщенный изумрудный блеск.

В голове мелькает абсурдная мысль: я что, получил сердечный приступ, умер — и оказался в раю? Потому что в реальной жизни таких не бывает.

Но взгляд невольно цепляется за детали: она слегка покачивается, движения замедленные, взгляд расфокусирован. Судя по всему, под действием лекарств — будто её только что вывели из наркоза. В этой уязвимости — ещё больше очарования и какой то болезненной трогательности.

— Чё, брат, залип на своей обезьяне? — хрипловато хохочет брат. — А обезьянка-то сказочная. Я б с такой обезьянкой...

— Захлопнись, — резко обрываю я, не дав ему договорить. Голос звучит жёстче, чем хотелось бы — будто я пытаюсь отогнать наваждение.

Делаю шаг вперёд, затем отступаю, будто отталкивая собственные мысли. — Отвезите её в мой дом, — отдаю распоряжение, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Брат вскидывает брови, в глазах — насмешка — Ты что, даже не подойдёшь к ней? А как же убить? Закопать? — произносит с откровенным сарказмом.

Я молчу. В груди — странная пустота и одновременно буря противоречивых чувств. Вместо ярости — замешательство. Вместо жажды мести — странное, необъяснимое притяжение.

— Планы меняются, — резко бросаю я. — Вези её в мой дом. Выдели гостевую комнату — пусть дожидается меня там.

Брат кивает, уже готовясь сорваться с места, но я останавливаю его жестом:

— Мне ещё нужно сделать пару звонков — вытащить из дерьма нашу сделку с Касимом. И найди мне досье на неё. Сегодня же. Хочу знать о ней всё: где живёт, с кем спит, что ест, какого цвета её кровь — *всё*. И про аварию узнай подробно: какого чёрта она оказалась на той дороге, как это вообще произошло. Кто виноват? Что видели свидетели? Мне нужно всё, до мельчайших деталей.

— Понял, — коротко отвечает брат и без промедления берётся за дело.

Я остаюсь один. Сажусь в кресло, провожу рукой по лицу — пытаюсь сосредоточиться на звонках, на Касиме, на бабках, на логистике. Но мысли снова и снова возвращаются к ней. Уже

четыре часа прошло, а она всё ещё перед глазами: её лицо, эти зелёные лисьи глаза, волосы, рассыпавшиеся по плечам, дрожащие пальцы с бинтом на кисти.

Надо ехать домой. Уже поздно — она, наверное, будет спать, когда я приеду.

В груди что то переворачивается. Я вдруг отчётливо понимаю: убийство этой красавицы я официально отменяю. Рука не поднимется на этот хрупкий, дивный цветок.

Но в глубине души шевельнулось тревожное предчувствие. Я и понятия не имел, с какими шипами окажется этот цветок. Мой дикий цветок...

* * *

Приехав домой, я первым делом тихо открываю дверь гостевой комнаты. В полумраке, на белоснежных простынях, спит она — словно ангел. Дыхание ровное, волосы разметались по подушке, лицо расслаблено, без тени страха или напряжения.

Я замираю на пороге. Что то внутри опять сжимается — не ярость, не злость, а странное, почти незнакомое чувство.

«Пусть выспится, — решаю про себя. — Разговор отложим до утра».

Тихо прикрываю дверь и отхожу. Брат до сих пор не звонит — никакой информации. Решаю набрать сам.

— Да, Макс, — раздаётся в трубке голос брата. — Если ты звонишь узнать, как движется дело с досье на девчонку, спешу сообщить: уже завтра к утру оно будет лежать у тебя на столе.

— Отлично, — коротко отвечаю я. — Ночевать она согласилась добровольно? Или пришлось заставить?

Брат хмыкает — Макс, мы же её из больницы выдернули. Ей успели вколоть хороший обезбол — уговаривать или заставлять не было нужды. Она как болванчик: на всё согласно кивала головой. Как овощ — куда толкнёшь, туда и катится.

— Понял, ладно, — сухо отвечаю я. — Жду подробную информацию. Всё нарой, и про аварию не забудь.

Завершаю звонок и иду в спальню. Ложусь, но сон не идёт. В голове — только она. Эти зелёные глаза.

Они преследуют меня всю ночь. Я закрываю веки — а они тут как тут: смотрят, сверкают, будоражат сознание. Эта девчонка поселилась в моей голове, как заноза, как наваждение. Во сне она является мне снова — улыбается, шепчет что то, чего я не могу разобрать. Просыпаюсь в поту, с глухим стуком сердца.

Утром, едва открыв глаза, иду в кабинет. На столе — папка с досье.

— Оперативно, — бормочу я и принимаюсь читать.

Исаева Аглая Игоревна, 20 лет. Родилась в деревне Жирновка. Мать умерла, когда ей было 16; живёт с отцом. Со слов очевидцев, он не работает и много пьёт — спился после смерти жены. Живут в одноэтажном старом доме.

Аглая переехала два месяца назад в Москву — с подругой, снимают квартиру. Мужа нет, детей нет.

Я переворачиваю страницу, вчитываюсь в детали, пытаюсь сложить образ Но стук в дверь прерывает мои размышления.

— Войдите!

В кабинет заглядывает Любовь Валентиновна, моя кухарка, — бледная, с трясущимися руками.

— Максим Владимирович, ваша гостья устроила дебош. Я принесла ей завтрак, а она выхватила вилку и стала кидаться. Угрожает всему персоналу, кричит, что выколет глаз любому, кто подойдет.

Требуется отпустить её домой, — торопливо докладывает она, голос дрожит от возмущения и страха.

— Понял, сейчас приду, — коротко отвечаю я, захлопываю папку с досье и направляюсь к гостевой комнате.

Открываю дверь — и замираю на пороге.

Моя красавица вжата в угол комнаты, спина прижата к стене, глаза горят отчаянной решимостью. В руке — вилка, вытянута вперёд, как оружие. Она выглядит хрупкой, уязвимой — и в то же время отчаянно смелой. «Тушканчик, пытающийся напугать зубочисткой тигра», — мелькает у меня в голове. И неожиданно становится смешно.

Но я сдерживаю улыбку. Шаг за шагом приближаюсь, стараясь не делать резких движений.

— Ну, привет, А-г-л-а-я, — произношу её имя, растягивая слоги, словно пробуя его на вкус.

Она вскидывает голову, взгляд — острый, настороженный.

— Вы работаете на Артёма Акимова?! — выкрикивает она. — Я на вас всех в полицию заявлю! Я ни на что не соглашусь, можете так ему и передать!

Её голос дрожит, руки чуть подрагивают, но она старается держать гордый вид. Видно, что ей страшно — до дрожи, до перехваченного дыхания. Но она не сдаётся. И это вызывает странное уважение.

Я скрещиваю руки на груди, слегка наклоняю голову, изучаю её.

— Артёма Акимова? — переспрашиваю тихо. — Впервые слышу это имя.

Она на мгновение замирает, в глазах — растерянность. Но тут же снова сжимает вилку крепче, будто это её последний щит.

— Детка, я не знаю никакого Артёма Акимова, — произношу я медленно, делая шаг к ней — плавно, как хищник к добыче. — Меня зовут Максим. Я владелец той машины, которую ты отправила в реку. Скажи, сладкая, где ты права покупала? И знаешь ли ты, сколько мне должна? Интересно, как расплачиваться будешь?

Аглая меняется в лице. Взгляд мечется, плечи напрягаются. Вилка в её руке дрожит, потом медленно опускается — вместе с глазами, виновато устремлёнными в пол. На мгновение кажется, что она готова сдаться.

Но стоит мне подойти слишком близко, как она резко вскидывает руку — и вилка вонзается в моё бедро. Боль короткая, острая — но я даже не успеваю отреагировать, как она бросается к двери.

Не успевает.

Я хватаю её за талию — резко, но не грубо — и прижимаю к себе, не давая вырваться. Другой рукой спокойно, почти небрежно, выдергиваю вилку из бедра.

— Гад, пусти! Пусти, сказала! — хрипло выкрикивает она, дёргаясь в моих руках.

— Честно признаться, неожиданно, — усмехаюсь я. — Такая маленькая и такая дикая!

Кидаю её на кровать — не швыряю, а укладываю с силой, но без жестокости. Боль пульсирует в бедре, но терпимо — бывало и хуже.

В дверях тут же появляются охранники.

— Всем выйти, — бросаю коротко. Они молча отступают, закрывая за собой дверь.

Я делаю шаг к кровати, опускаюсь на край, смотрю прямо на неё. Аглая лежит, тяжело дыша, волосы разметались, глаза горят — то ли страхом, то ли яростью.

— Малышка, мы с тобой, видимо, не с того начали, — говорю уже спокойнее. — Вынь бананы из ушей: ты разбила мою машину с ценным грузом. Вместо того чтобы извиниться и искать компромисс, ты решила всадить мне вилку? Я читал твоё досье — там не написано, что ты душевнобольная. На учёте не стоишь.

Она замирает. Глубоко вздыхает, сглатывает. Потом садится, выпрямляет спину, смотрит прямо на меня — уже не испуганно, а холодно, отстранённо.

— Простите, — произносит ровным, почти ледяным тоном.

— Если вы действительно ищете виновника аварии, то это не я. Точнее, не только я. Вам нужен Артём Акимов. Это всё из-за него.

Наш разговор прерывает резкий звук телефонного звонка. Я бросаю короткий взгляд на экран — брат. Нажимаю «принять вызов», не отрывая взгляда от Аглаи.

— Немного не вовремя, — говорю жёстко. — Говори, если важное.

В трубке раздаётся голос брата — быстрый, напряжённый:

— Макс, машина, в которую врезалась девчонка, принадлежит некому Акимову Артёму Валерьевичу. Она уже в розыске — он написал заявление на нашу «угонщицу». Её ищет полиция. И ещё: вчера в больнице у неё брали кровь на анализы, пришли результаты. В организме обнаружено необычное экспериментальное наркотическое вещество. Оно сначала притупляет сознание, а потом действует как паралитик — полностью парализует тело на какое то время. Аварии было не избежать.

Я молча слушаю, чувствуя, как в груди нарастает холодный клубок подозрений. Взгляд не отрывается от лица Аглаи.

— Понял, — коротко отвечаю брату и сбрасываю звонок. Несколько секунд молчу, изучаю её.

А она полна сюрпризов.

Наконец, медленно произношу — Аглая, в твоих же интересах рассказать мне всё, что случилось вчера. Кто такой Артём и почему в твоей крови нашли какую то дрянь? Выкладывай, Ц В Е Т О Ч Е К.

Глава 2. Ходячие искушение

«Чем сильнее она отталкивает, тем крепче я держу — пусть даже на расстоянии.»

Эрато Муза

Аглая

— Я работаю в клубе, хозяин которого — Артём Акимов. Он же мой босс. Работаю у него всего два месяца.

Сначала всё было нормально. Да, он иногда заигрывал, делал непристойные намёки, но всегда знал меру — не переходил черты. До вчерашнего вечера.

Он вызвал меня в клуб — сказал, что срочно нужно обсудить мой новый график, что у него какие то предложения и решить надо сегодня.

Я приехала. И сразу насторожилась: в клубе никого, кроме нас. В это время персонал обычно уже на месте. Я поняла: разговор вряд ли будет о работе. Возможно, никакого разговора вообще не будет. Меня явно развели.

Артём был немного пьян. Говорил пошло, шутил грубо, давил своей наглостью. Настойчиво предлагал выпить с ним — то ли шампанское, то ли вино. Я отказалась.

В тот же миг его лицо изменилось. Взгляд стал жёстким, голос — угрожающим. Он сделался ещё агрессивнее, начал приближаться. Отступать было некуда.

Со страху я взяла бокал и сделала глоток — лишь бы не злить его ещё сильнее. Но это не помогло.

Он полез ко мне, начал нагло лапать. Я сказала, чтобы он отстал, что он не в себе. Хотела уйти — а потом он ударил меня.

Я отлетела, завалилась на барную стойку, опрокинула бокалы и бутылку. Следом упала сама.

А он кинулся на меня. Пытался изнасиловать — голос Аглаи дрожит, она на мгновение замолкает, с трудом сглатывает, слёзы катятся по щекам. — Я была в ужасе. Не могла пошевелиться от страха.

Но пока он был увлечён мной, я нащупала рукой бутылку шампанского — она лежала рядом. Схватила её, собрала остатки сил и разбила об голову Акимова.

В ту же секунду он отлетел, застонал, схватился за голову. Я вскочила, попыталась убежать, но ноги меня почти не держали — ватные, будто в меня паралитик вкололи. Думаю, этот урод что то подсыпал в шампанское, которое я выпила.

Кое-как, шатаясь, я выбежала на улицу. Прямо у выхода стояла его машина — открытая, с ключами внутри. Рядом курил водитель.

У меня не было времени на раздумья. Ничего лучше я не придумала, как уехать подальше на этой машине. Запрыгнула внутрь и поехала — понимала, что далеко не убегу: меня бы догнал Акимов или его водитель. Я боялась, что меня поймают и снова попытаются

В машине стало ещё хуже. От одного бокала так не бывает — точно понимаю, что он меня отравил.

Всё случилось очень быстро. Сначала ноги перестали слушаться, потом руки ослабли и выпустили руль. Ещё через минуту я начала терять сознание. Мир поплыл, звуки отдалились. Дальше — пустота. Я не хотела аварии. Я просто хотела спастись.

Очнулась уже в больнице. А потом вы знаете: ваши люди забрали меня и привезли сюда.

Я замолкаю и осторожно поднимаю глаза на Максима, пытаюсь понять его реакцию. Я сказала всё как было, ничего не утаила.

Он слушал внимательно, ни разу не перебив. Теперь молча смотрит мне прямо в глаза — долго, напряжённо, будто взвешивает каждое слово. Тишина затягивается, кажется, проходит целая вечность.

Наконец я решаюсь нарушить молчание — Вы отпустите меня? И я хотела бы получить обратно свой телефон, ваши люди его забрали.

— Нет, — отвечает он, резко отворачиваясь — отходя к окну. Голос звучит твёрдо, без колебаний.

Моё сердце пропускает удар. — Нет вы не вернёте телефон? — переспрашиваю я, стараясь сдерживать дрожь в голосе. — Ладно, оставьте себе.

Он оборачивается, смотрит прямо на меня. — Нет, я не отпущу тебя домой, — чеканит твёрдо он.

Я замираю. Пытаюсь осознать услышанное. Он это серьёзно? В груди нарастает паника, дыхание сбивается.

— И на каком это основании? Вы будете держать меня здесь насильно? — вскакиваю я, мой голос дрожит, но я стараюсь говорить твёрдо.

Максим разворачивается ко мне. Медленно подходит — так близко, что я чувствую тепло его тела, слышу размеренное дыхание. Он протягивает руку, нежно проводит большим пальцем по моей щеке, убирает прядь волос за ухо. От этого прикосновения по коже бегут мурашки — не то от страха, не то от чего то ещё, чего я пока не могу понять.

— На основании защиты, — шепчет он мягко, почти невесомо.

Его взгляд — холодный и в то же время странно внимательный, будто он изучает меня.

— Тебя ищет полиция. Твой бывший босс написал заявление об угоне. И что то мне подсказывает: полиция доставит тебя прямо к нему. А дальше он заставит тебя расплатиться за разбитую голову и машину. А я могу дать тебе защиту. Здесь ты в безопасности.

Я отступаю на шаг, но он не даёт мне отдалиться.

— Не понимаю, зачем вам всё это? Зачем вам давать защиту? — я смотрю ему в глаза. — Мы даже не знаем друг друга.

Он слегка улыбается — не насмешливо, а как то задумчиво.

— Считай это жестом доброй воли, красавица.

— Знаете, что я думаю? — я делаю глубокий вдох. — Вы это делаете не просто так. Вам что то нужно от меня. У меня нет денег, чтобы возместить ущерб. И никогда таких денег не будет! Артём виноват, он опоил меня — если бы не он, не было бы аварии!

Максим чуть склоняет голову, словно оценивая мою реакцию.

— А кто сказал, что мне нужны деньги? С твоим боссом я разберусь. Я хорошо ему объясню, как нехорошо обижать девочек. И этот урок он усвоит на всю жизнь.

Я молчу, пытаюсь осмыслить его слова. В груди — смесь страха, недоверия и негодования.

— Ладно, допустим, вы защитите меня от полиции, от Артёма. И вам не нужно возмещение ущерба. Тогда чего вы хотите взамен?

Он делает шаг вперёд, снова сокращая расстояние между нами. Его голос звучит тихо, но твёрдо, без тени шутки:

— Всё просто. Тебя.

Макс

Кажется, от моего ответа у неё перехватило дыхание: рот приоткрылся, губы сложились в немую «О», глаза захлопали часто — как у растерянной рыбки.

Боже, даже в этом растерянном, почти детском выражении лица она выглядит безупречно. Прямо в душу запала. Будто проклятый Купидон выпустил стрелу прямо в моё холодное, давно очерствевшее сердце. Я совсем её не знаю, и всё равно поплыл.

Взгляд невольно опускается на её губы. Какие они манящие, наверняка очень сладкие В голове вспыхивает яркая картина: я прижимаю её к стене, впиваюсь в эти губы — и мир вокруг перестаёт существовать. Уверен, это будет невероятно вкусно. Не понимаю, как её внешность так действует на меня. Со мной такое впервые.

Страшно хочется прижать её к стене прямо сейчас, намотать её кудри на кулак, почувствовать её тепло, её дрожь. Эта девочка — *ходячее искушение*. Как в одном человеке может сочетаться столько нежности, обаяния и откровенной, почти первобытной сексуальности?

Я просто стою и смотрю на неё, чётко понимая: прямо сейчас между нами возникает какая то химия. Тяжело смотреть и не иметь возможности прикоснуться — это становится настоящей пыткой. Клянусь, впервые в жизни чувствую себя маньяком.

— Я не для того от одного придурка убежала, чтобы к другому попасть! — наконец выдыхает она, приходя в себя.

Я смотрю на неё как голодный зверь — еле сдерживаю себя, чтобы не сделать шаг вперёд, не попробовать эти губы на вкус.

Медленно, почти незаметно, я приближаюсь. Она отступает назад — шаг, ещё шаг — пока не врежется спиной в стену. Воздух между нами словно наэлектризован. Её дыхание учащается, зрачки расширяются. Она ловит мой взгляд, и на мгновение мне кажется, что в её глазах мелькает не только страх, но и что то ещё

Я останавливаюсь в шаге от неё. Достаточно близко, чтобы чувствовать тепло её тела, достаточно далеко, чтобы оставить ей иллюзию выбора.

— Вы пугаете меня. Прошу, остановитесь, — её голос дрожит, в глазах — страх, смешанный с растерянностью.

Но я уже не могу остановиться. Шаг вперёд — и я перекрываю ей путь к побегу. Прижимаюсь к ней всем телом, вжимаю в стену, и яростно, почти отчаянно, впиваюсь в её губы.

Да, нагло. Да, глупо. Перегнул. Не устоял.

Её попытки оттолкнуть меня кажутся почти трогательными — она упирается ладонями в мою грудь, дышит прерывисто, но силы неравны. И всё же что то в этом сопротивлении только распалает меня сильнее.

Не могу оторваться от её губ — нежных, сладких, как клубника. Я углубляю поцелуй, теряю контроль, делаю резкий толчок бёдрами, давая понять, насколько сильно её хочу.

И вдруг она перестаёт сопротивляться. Отвечает на поцелуй — так же жарко, отчаянно, будто сама не понимает, что делает.

Поцелуй становится настолько обжигающим, что я будто отрываюсь от земли, теряю связь с реальностью. В этом тумане страсти я не замечаю, как её рука проскальзывает в карман моего пиджака.

Она достаёт зажигалку. Вспышка — и я чувствую жар. Не сразу понимаю, что горит край моего пиджака. Осознание приходит с запозданием — я резко отстраняюсь, чтобы её не задело. Сбрасываю пиджак, затапываю пламя.

Оглядываюсь — её уже нет в комнате.

— Шустрая лань, — усмехаюсь сквозь сбившееся дыхание.

Но далеко она не убежала. Охрана перехватывает её сразу за дверью.

— Нет! Пустите меня! Не трогайте! — кричит она, дёргается в руках охранника, бросает на меня осуждающий взгляд. — Прикажите ему отпустить меня! А иначе я я я разнесу тут всё!

Я подхожу ближе, скрещиваю руки на груди. В голосе — смесь раздражения и восхищения:

— Малышка, ты только что хотела сжечь меня? Сначала вилка — спасибо, что не в пах, — теперь чуть не поджарила. Что дальше? Расскажи, какие у тебя ещё планы на меня? Боюсь, третьего раза я не выдержу.

Делаю паузу, изучаю её лицо — покрасневшее, взъерошенное, всё ещё полное вызова.

— Я начинаю думать, что Артёмка твой бутылкой легко отделался. Он даже не догадывается, что твой побег, возможно, продлевает ему жизнь.

— Да пошёл ты! Я никому не позволю целовать меня без моего согласия! Ещё разпустишь свои руки ко мне — и я я оторву их тебе! Козёл! Снимите себе девочку на ночь или резиновую куклу купите! Идиоты! — гневно выкрикивает Аглая, обращаясь не только ко мне, но и к охраннику, который по прежнему её держит, пытаюсь усмирить.

Я поднимаю руки, показывая, что сдаюсь. — Согласен, — говорю спокойно. — Я идиот. Не сдержался.

— Очень точное определение! — всё ещё злится она, но голос уже чуть тише, будто силы начинают её покидать.

Я делаю шаг назад, даю ей пространство. — Малышка, просто ты и понятия не имеешь, как тяжело на тебя смотреть. Ты очень притягательна. Думаю, ты сама не понимаешь, насколько, — говорю открыто, без притворства. Вижу, как она на мгновение замирает, будто не ожидая такой откровенности.

— Тупое оправдание! — бросает она, но уже без прежней ярости.

— Зато честное. Я бы очень хотел, чтобы ты дала мне шанс. Узнать меня поближе. Хочу, чтобы ты пересмотрела своё отношение и посмотрела на меня иначе.

Аглая резко вскидывает голову, глаза сверкают. — Я с удовольствием посмотрю на тебя сквозь оптический прицел! — добавляет она с горькой насмешкой.

Она опускает плечи, голос звучит обречённо:

— Просто отпустите меня. Мне от вас ничего не нужно.

В этот момент меня осеняет. В голове складывается новая стратегия — более тонкая, более хитрая.

— Отпусти её. Отвези домой, — даю распоряжение охраннику.

Аглая замирает. Взгляд становится растерянным, она смотрит на меня, не веря своим ушам. — Домой? — переспрашивает удивлённо, почти шёпотом.

— Домой, домой, — подтверждаю я. — Ты ясно дала понять, что в моей защите не нуждаешься. Не вижу причин задерживать. Выход там, — указываю рукой на дверь.

Она на мгновение застывает, будто ожидая подвоха. Потом резко вырывается из рук охранника и вылетает из комнаты — пулей, стремительно, словно боится, что я передумаю и заберу свои слова назад.

Дверь хлопает. В комнате повисает тишина.

Я остаюсь один. Улыбаюсь уголком рта.

«Беги, цветочек. Не успеешь соскучиться, как я приду за тобой» — мысленно добавляю я. И вот тогда ты сама будешь просить меня забрать тебя.



Здравствуй дорогой читатель! Если книга нашла отклик в вашем сердце, буду безумно благодарна за звездочку! Ваш отзыв — как лучик солнца для меня: он согревает,

*вдохновляет и дает силы творить дальше. Спасибо что выбираете мои истории! С теплом и признательностью.
Эрато Муза.*

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.